

И ученый, и художник

20 августа этого года исполнится 90 лет со дня рождения Юрия Андреевича Жданова (1919 — 2006), ректора Ростовского государственного университета (1957 — 1989), председателя Совета Северо-Кавказского научного центра высшей школы (1969 — 2005), члена-корреспондента РАН, доктора химических наук, профессора.

В этом номере газеты знакомим читателей с воспоминаниями писателя Николая Егорова о Ю.А. Жданове

МНЕ ПОЗВОНИЛИ ИЗ РЕДАКЦИИ журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», сказали, что Юрий Андреевич попросил меня написать заметку «Памяти Расула Гамзатова». Очередной номер был уже готов к отправке в типографию, но его задержат, и в моем распоряжении, если я соглашусь, останется для работы неделя. И хотя поэт ушел совсем недавно и в печали собраться с мыслями и справиться с чувствами было нелегко, я не отказался, взялся за дело и написал не заметку, а заметки — те самые воспоминания, которые потом вошли в первую книгу моих мемуаров «Мастера». Когда-то я и сам работал в редакции журнала и знаю, как непросто втискивать в сверстаный номер что-то срочное, но мне не предложили сделать сокращения — воспоминания напечатали в том объеме, в каком я их принес. Благодарно подумалось тогда: это стиль Юрия Андреевича Жданова, главного редактора того солидного научного издания.

Мог ли я знать в те дни, что через три с небольшим года стану писать воспоминания уже о Юрии Андреевиче? Многие теснятся в опе-

мать и отец были из крестьян, а я, родившийся в городе, видел во время войны израненные поля, наползая по ним под огнем, научился нюхом отличать мягкий чернозем от черствого суглинка. Могу уверенно сказать, что как раз народ не жаловал Лысенко. Но кто спрашивал у крестьян, кого венчать в светила науки? И то, что сделал Юрий Жданов, народ не мог не оценивать высоко. Иные из нынешних историков копаются в архивах и

шел из областного радиокомитета в редакцию журнала «Дон» ответственным секретарем и стал участником занятий, которые организовывались партбюро Союза писателей. Как правило, это были лекции, после которых мы, обучаемые, задавали вопросы и обменивались мнениями. Чаще всего выступали у нас тогда еще доценты В. Давидович и В. Журавлев и Юрий Андреевич, работавший заведующим отделом науки обкома

лись, делая одно дело.

Юрий Андреевич был близок людям искусства, понимал их, и они его хорошо понимали. Профессиональный ученый, он был художествен по существу своему. Это проявлялось во всем, за что он брался. И то, что пишу о нем для книги воспоминаний о писателях и художниках, естественно. В личном общении он был удивителен. Легко находя общий язык, он как равный говорил с самыми разными людьми: они были интересны ему, и он охотно вступал с ними в обмен знаниями, опытом, мыслями.

Чрезвычайно занятой, знавший цену каждой минуте, пунктуальный и обязательный, Юрий Андреевич не выказывал нетерпения в затянувшемся разговоре, не спешил «закруглить» его, не дослушав собеседника, не ответив на его вопросы. Больше того, он любил «дожинки»: задерживался, если дело окончено, и в неофициальной обстановке выговаривался сам и давал выговориться другим.

Юрий Андреевич был на четыре года старше меня. И если для меня война началась в восемнадцать, то для него в двадцать два — в юности это заметная разница. Но бои за Отечество, при всей их трагичности, давали резкий толчок в духовном развитии совсем молодых парней, особенно тех, которые были офицерами и отвечали за жизни подчиненных, за исход атаки или обороны. Это уравнивало нас, когда мы с Юрием Андреевичем вспоминали о Великой Отечественной.

Как-то после дружеского застолья в кругу фронтовиков мы сели в сторонке, и зашел у нас разговор о боевом уставе пехоты (БУПе). С начала войны и почти до середины ее в армии действовал (в той мере, в какой он мог действовать) старый устав. Потом вышел новый (БУПн), и

И мы свели бокалы с сухим красным вином.

На одном из журналистских приемов, когда многие уже разошлись по домам, те, кто остались, сбились за большим столом в углу. Вместе оказались и фронтовики, и совсем молодые люди. У всех было хорошее настроение, все были расположены друг к другу. Разговор перескакивал с одного на другое. И тут кто-то из молодых спросил о том, что мог знать только Юрий Андреевич: о его жизни и работе в Москве, о виденном и пережитом. Об этом непросто было спрашивать — я видел это, и непросто было отвечать на вопросы. Но Юрий Андреевич с пониманием отнесся к ним и искренне и достойно стал рассказывать о былом. Все получилось непринужденно, откровенно и серьезно, свелось не к пересудам, а к глубоким размышлениям и взаимному сочувствию, именно к сочувствию — у каждого своя доля.

Юрий Андреевич умел поднимать вопросы, точнее сказать, умел поднимать уровень любого разговора. Насколько помню, он не пропускал заседаний Шолоховского фонда, даже не запаздывал на эти заседания. И всегда принимал участие в обсуждении того, что ставилось на повестку дня. Он не делил заботы на малые и большие: в общем деле все для него было важно — и теоретическое, и практическое, даже самое будничное из практического.

Он внимательно выслушивал каждого из коллег, даже если не разделял чьего-то мнения. И возражая, делал это уважительно: и неверные точки зрения приближают к истине.

А как-то встретились мы на углу Буденновского и Московской: я шел на рынок, Юрий Андреевич — с рынка. В руке у него была небольшая хозяйственная сумка, из которой хо-